

Посвящается Салли

*Трое могут сохранить тайну,
если двое из них мертвы.*

Бенджамин Франклин

Глава 1

Как могло случиться, что обещавший стать лучшим день превратился в худший в моей жизни? В то сонное воскресенье не происходило ничего незаурядного или потрясающего. Мы с Уиллом — моим мужем — долго валялись в постели, занимались сексом, пили кофе, завтракали. Восхитительный, беззаботный день, наполненный уютом и ощущением счастья. Но вот пробило пять часов, и мне пришлось заставить себя собираться на работу.

Выйдя из дома, я направилась к набережной Темзы. Было холодно. Заходящее солнце освещало здания из красного кирпича на другом берегу реки, которая в сумерках приобрела чернильный оттенок.

Я обернулась к дому, где на втором этаже у эркерного окна стоял Уилл. Его растрепанные каштановые волосы блестели в свете, льющемся из спальни. Он был одет в спортивные штаны, которые обычно носил по воскресеньям, старую толстовку с логотипом группы «Нирвана» с капюшоном и держал на руках маленькую белую кошку. Луна была бродяжкой, которую он подкармливал, и мы обсуждали, стоит ли установить дверцу для кошки. Но мне,

как обычно, пришлось прервать дискуссию, чтобы отправиться на работу.

Муж послал воздушный поцелуй и шутливо помахал мне лапкой Лúны. Он выглядел таким счастливым! Именно таким безумно счастливым он и остался в моей памяти. Помахав в ответ, я быстрым шагом направилась к метро. Был слышен хлюпающий звук начинающегося прилива. Промозглый ветер с поверхности воды проник под флисовую куртку, и я поежилась. На следующей неделе часы переведут назад, а это означало, что скоро мне придется добираться на работу и обратно в темноте. Самое время достать зимнее пальто.

Мы жили в таунхаусе на тихой набережной в Бермондси — безумно дорогом районе. Уилл из богатой семьи, и этот дом был нашим свадебным подарком. Для сравнения: моя мама презентовала нам набор ножей для разделки мяса. Полагаю, несложно представить разницу наших социальных статусов. Конечно, я испытывала безмерную благодарность за столь роскошный подарок. Однако Марелл никогда не упускала возможности напомнить мне о своей щедрости, хотя мы с Уиллом были женаты почти двадцать четыре года.

До станции метро «Бермондси» было недалеко. Сев в пустой вагон, я в тишине проехала четыре остановки до Вестминстера, поглощенная мыслями о Луне и истории с кошачьим люком. Несложно было представить себе разговор Уилла с Марелл.

Уильям, Мэгги никогда не хотела детей... конечно же, она не станет возражать против кошки.

Или...

Уильям, я с радостью заплачу за кошачий люк. Видит бог, я бы с большей радостью оплатила детскую, если бы Мэгги подарила мне внуков.

Тема детей омрачала наш брак. По правде говоря, я действительно их не хотела. И Уилл, кстати, тоже. Мы познакомились в медицинском институте двадцать девять лет назад, и, когда между нами все стало серьезно, я очень четко обозначила эту свою позицию. Сколько себя помню, всегда мечтала стать врачом и, поднявшись по карьерной лестнице, ни разу не пожалела о своем решении. А вот Уилл ушел из судебной медицины и занялся девелопментом. Стало очевидным, что с возрастом изменилось и мнение мужа. На него, безусловно, оказало влияние и то, что у его старшего брата Хьюго родились дети, и то, как долго и упорно пыталась забеременеть сестра. Семья Уилла была из тех, где считают крайне важным сохранение династии. Мне уже сорок семь, возможность естественного зачатия (без ЭКО) свелась к минимуму, и, надо признать, это принесло мне чувство облегчения.

На следующие выходные мы были приглашены на обед в загородный дом Марелл. Неизбежный разговор о кошке, несомненно, приведет к этой теме. Начни я возражать против Луны, Марелл сочтет это еще одним доказательством моей нелюбви к детям. Но стоит мне согласиться — вообразит, что это последний гвоздь в крышку гроба ее мечты о большой семье. Было очевидно: она все еще надеется, что я одумаюсь и решусь на ЭКО. Беседовать с Марелл — все равно что играть в шахматы с гроссмейстером: всегда кажется, будто она на несколько ходов впереди. И мне важно было знать мнение Уилла, чтобы не попасть впросак.

Несмотря на холод и темноту, на Вестминстерском мосту оказалось многолюдно, и, похоже, я была единственной, кто шел на север, против потока фотографирующихся туристов. От холодного ветра, дующего с реки, у меня заслезились глаза, и как раз в тот момент, когда я посмотрела вверх, Биг-Бен отбил четверть часа. Светящийся циферблат часов и длинный ряд высоких окон парламента отражались в воде желтоватыми бликами. Несмотря на то что это был мой ежедневный маршрут, северянка во мне каждый раз испытывала трепет при виде культовых достопримечательностей Лондона.

Смена начиналась в шесть, я прибавила шаг, чтобы не опоздать, и вскоре поднималась по ступенькам больничного комплекса Гая и Сент-Томаса. Я кивнула пациентам в инвалидных колясках, выстроившимся в ряд у главного входа, которые то затягивались сигаретами, то прижимали к лицу кислородные маски. Спустилась на одном из служебных лифтов на цокольный этаж.

Недавно отремонтированное отделение неотложной помощи больницы Сент-Томаса выглядело светлым и современным. В основном отделении было шумно и многолюдно. Подойдя к двери комнаты отдыха, я столкнулась со стремительно выходящей оттуда Дианой Кохановски — моей подругой и коллегой. Она старше меня на несколько лет, ей чуть за пятьдесят, у нее была смуглая кожа и коротко подстриженные волосы с проседью.

— Привет, Мэгс! Даже дух перевести некогда. Через пять минут ждем поступления с кодом М10. Молодой мужчина, множественные ножевые ранения, — сказала она, натягивая латексные перчатки.

Бойся тишины

Всем травмам и состояниям присваиваются коды. М10 означает проникающую травму, огнестрельное ранение или колотую рану. Мы использовали этот код с удручающей частотой.

Я поспешила в комнату персонала, сунула сумку в шкафчик и переоделась. А когда через несколько минут появилась в отделении, двое парамедиков провезли мимо в ближайший реанимационный отсек каталку с истекающим кровью молодым человеком.

У меня возникло предчувствие, что ночь обещает быть напряженной.

Глава 2

Это был подросток. Верхняя часть его одежды была срезана, грудь и живот обмотаны несколькими слоями бинтов, насквозь пропитавшихся кровью.

Я последовала за каталкой в реанимационный отсек, и мы отработанным движением переместили раненого на операционный стол. В эту смену в моей команде были Диана, медсестра-травматолог Келли, медбрат Радж и старший парамедик Барри, с которым я работала много лет. Его резкий ирландский акцент, напоминающий речь Йена Пейсли*, никак не вязался с грубыми чертами лица и крупным телосложением.

— Мальчика зовут Кайл Льюис. Пятнадцать лет. Семь ножевых ранений в грудь и живот, — сообщил он.

Юноша находился в полубессознательном состоянии, дышал с трудом, лицо искажено гримасой боли. Бритая голова, грязные впалые щеки, на которых виднелись светлые дорожки от слез.

* Североирландский священнослужитель и политик (6 апреля 1926 г. — 12 сентября 2014 г.).

— Не могу... дышать, — прохрипел он.

— Кайл, меня зовут Мэгги. Я врач. Все будет хорошо, — произнесла я, осторожно снимая с его груди пропитанные кровью бинты.

Повреждения оказались глубокими: судя по всему, напавший был в ярости. Хриплое дыхание юноши указывало на пневмоторакс, а это означало, что воздух попадал в плевральную полость через колотую рану в груди. Из другого отверстия рядом с сердцем безостановочно текла кровь.

— Шесть единиц первой отрицательной, четыре-пять миллиграммов морфия, — распорядилась я.

Радж и Келли уже действовали, устанавливая капельницы с кровью и необходимыми препаратами. Внезапно глаза молодого человека расширились, и его тело забило. Раздался длинный звуковой сигнал кардиомонитора, зафиксировавшего остановку сердца, и я увидела, что кровотечение прекратилось. Вероятно, лезвие прошло слишком близко к сердцу.

— Нож задел правый желудочек? — предположила Диана.

— Думаю, да, — кивнула я, наклоняясь ближе.

Критическое состояние пациента требовало быстрой реакции. При попытке перезапустить сердце может случиться скачок кровяного давления, и, если камера задета или, хуже того, разрезана, это неминуемо приведет к расширению разрыва и интенсивному кровотечению. Не было времени перемещать пациента и готовить к операции. Решение нужно было принимать немедленно.

— Набор для двусторонней переднебоковой торакотомии. Готовьте правую сторону, — распорядилась я.

Я опытный хирург, но экстренная торакотомия была непростой и рискованной процедурой. Прихо-

дилось вскрывать грудную клетку и проводить импровизированную операцию на сердце. Радж и Келли быстро приступили к интубации Кайла. Времени на анестезию не было, но они должны были держать наготове седативные средства, если он придет в сознание. Через мгновение у Дианы был готов стерильный набор, состоявший из витой проволочной пилы Джильи с Т-образными ручками на обоих концах, предназначенной для распиливания костной ткани, зажимов, щипцов, скальпеля и костных кусачек.

На расстоянии двух дюймов от правого соска Кайла я сделала четырехдюймовый надрез и углубилась в мышечные слои. Двумя четкими движениями — слева и справа — отделила ребра пилой Джильи. Диана, державшая наготове металлический расширитель, вставила его в разрез. По мере того, как он растягивался, раздвигая ребра, полость расширялась. Из нее хлынула кровь. Такое кровотечение чаще всего означало, что нож проник в сердце. Подобные ранения почти всегда приводили к летальному исходу. Мальчик лежал неподвижно, с закрытыми глазами. Его грудь и торс представляли собой ужасное зрелище, а лицо по-прежнему оставалось одновременно взрослым и уязвимым: еще не мужчина, но уже не мальчик. Смерть в столь юном возрасте — всегда невероятная трагедия. Я вдруг живо представила его в недалеком будущем — абсолютно здоровым, в свадебном или строгом деловом костюме. Шрамы на теле стали бы его секретом. Их не будет видно, а лицо во время нападения не пострадало.

— Кайл, не уходи! Не вздумай умереть, слышишь? — пробормотала я.

Радж отрегулировал освещение над нами так, что грудную клетку Кайла было видно идеально. Требовалось четко и аккуратно работать скальпелем, раз-

резая ткани, грудину, а затем перикард*. Диана осторожно отодвинула легкое, открывая доступ к сердцу. Я не ошиблась: правый желудочек оказался поврежден.

Команда работала слаженно, без лишних слов. Когда с помощью отсоса быстро осушили грудную полость, я мгновенно зашила рану, наложив на сердечную мышцу четыре аккуратных шва.

Вся процедура заняла четыре минуты.

Маска подавала кислород в легкие Кайла, поддерживая работу мозга. Я принялась осторожно ощупывать сердце, оценивая его состояние. Внезапно оно затрепетало, затем содрогнулось и в конце концов забилося.

— Живучий, черт возьми! — проговорила я.

За долгую медицинскую карьеру я повидала многое, провела более десятка экстренных торакотомий, однако это был первый случай, когда сердце заработало само. Обычно для его запуска требовался дефибрилятор.

Мальчик снова начал дышать самостоятельно, лицо стало приобретать нормальный оттенок. Я ощутила радостное возбуждение и позволила себе на мгновение расслабиться.

— Давайте зашьем его и переведем в реанимацию, — сказала я. — Спасибо всем, отличная работа.

Кайл будет жить.

* Перикард (синоним — околосердечная сумка) — наружная соединительнотканная оболочка сердца.

Глава 3

Несколько часов спустя мы с Дианой находились в комнате отдыха. Наступило редкое затишье, и мы воспользовались моментом, чтобы сменить окровавленную медицинскую форму. Состояние молодого человека стабилизировалось, его перевезли в реанимацию. Выяснилось, что двое его друзей скончались от полученных ранений до того, как их доставили в отделение неотложной помощи.

Я стояла у кулера, а Диана листала в телефоне фотографии своей новой собаки — крошечного забавного лабрадора.

— Собираюсь еще раз поставить на вид Леону, что она спит в нашей кровати, — заявила подруга. — Представь, проснулась ночью и обнаружила, что лежу на самом краю. Чертова собака сладко сопела, втиснувшись между нами.

— А мы, похоже, заведем кошку, — начала я и уже собиралась рассказать Диане о Луне, когда в комнату вошел один из старших врачей, доктор Брайсон. Это был лысый мужчина лет под пятьдесят, одетый в дорогой синий костюм с галстуком-бабочкой.

— Добрый вечер, дамы, — произнес он, подходя к пробковой доске и прикрепляя к ней объявление. — В пятницу в девять утра нас посетит министр здравоохранения.

— Он пойдет из своего кабинета пешком через мост или будет настаивать на автомобиле с кортежем и снова заблокирует стоянку машин скорой? — многозначительно спросила Диана, отрываясь от телефона.

Брайсон улыбнулся, показав ряд идеально ровных зубов, но проигнорировал ее вопрос.

— Доктор Кендалл, я хотел бы коротко обсудить ваше участие в совете попечителей. У вас найдется время после смены выпить чашечку латте?

К сожалению, доктор Брайсон не умел говорить коротко — ему слишком нравился звук собственного голоса. А я уже с нетерпением ждала окончания рабочего дня, чтобы поскорее забраться в постель к Уиллу, у которого завтра выходной. Поэтому медлила с ответом, пытаясь придумать отговорку.

Доктор Брайсон нахмурился. Он не привык слышать слово «нет».

— Это займет не больше десяти минут. А для вас, Мэгги, может стать хорошей возможностью встретиться с правлением и высказать свое мнение по поводу наших дальнейших планов.

— Конечно. Давайте встретимся в «Старбаксе», — согласилась я.

— Отлично! Что ж, дамы, не буду вам мешать. — Тут он заметил фотографии щенка в телефоне Дианы. — О-о-о! Новая собачка?

— Да, ее зовут Фрида, — кивнула Диана.

— В честь художницы Фриды Кало?

Диана подняла глаза.

— Нет, в честь Фриды из «АББА», — с вызовом ответила она.

Доктор Брайсон хмыкнул и улыбнулся:

— Как мило! Хосе любит играть с щенками. Они так быстро растут!

Он кивнул и вышел из комнаты.

— Как думаешь, Хосе — его собака или его друг? — спросила Диана.

Я рассмеялась:

— Перестань!

— Ты просто обязана это выяснить! Ты же не хочешь оплошать, когда войдешь в *совет попечителей*?

— Полагаю, эта работа не скажется на моей зарплате, — задумчиво проговорила я.

— Да, но, когда придет время повышать зарплату, принимать решение будет именно доктор Брайсон.

Дверь в комнату отдыха распахнулась, и Радж просунул голову внутрь.

— У нас снова код М10. Мужчина лет сорока пяти с огнестрельным ранением в голову. Сосед обнаружил, что он еще дышит, но в машине скорой его состояние резко ухудшилось, — сообщил медбрат.

Я поспешила за Дианой в отделение. Пациента уже везли на каталке в реанимационный отсек. В глаза сразу бросились ноги мужчины в полосатых пижамных брюках. Мой взгляд скользнул вверх, и я увидела знакомую толстовку группы «Нирвана» — черная ткань, пропитавшаяся кровью, приобрела глянцевый блеск. На правой руке запеклась кровь, но левая, с простым золотым ободком на безымянном пальце, была чистой.

Когда с окровавленного лица мужчины сняли кислородную маску, чтобы переложить его с носилок на операционный стол, я буквально оцепенела.

Это был Уилл.

Левая сторона его головы представляла собой мессиво из крови и волос. Лицо было мертвенно-бледным, но он еще был жив, потому что его рука шевель-

нулась. Радж и Келли уставились на меня. Диана, готовящая капельницу, заметила, что я в ступоре, замешкалась и проследила за моим взглядом, не отрывающимся от лица Уилла.

Я не могла пошевелиться. И впоследствии мне так и не удалось избавиться от чувства вины из-за этого промедления. Моя работа — спасать жизни — после стольких лет в отделении экстренной медицины превратилась в безусловный рефлекс, но в тот момент я просто стояла, не в силах сдвинуться с места. Не в силах осознать, что это мой Уилл лежит на столе, истекая кровью.

Нет! Уилл находится дома, уютно устроившись на диване рядом с Луной!

Звуки вокруг исказились и стали приглушенными. Среди размытых очертаний капельниц, пакетов с плазмой и растворами я смутно различала Диану, взявшую инициативу на себя, видела, как шевелятся губы людей, но их голоса казались странными и далекими. Словно я находилась под водой. Внезапно протяжный ровный писк сигнала кардиомонитора прорезался сквозь этот туман, по экрану поползла прямая линия. Сердце Уилла перестало биться.

Диана что-то закричала, появился еще один врач из реанимационной бригады и хладнокровно принялся за дело. Радж разрезал толстовку, обнажив грудь.

Я почувствовала на своей руке холод латексных перчаток, когда смутно знакомая молодая медсестра осторожно оттащила меня назад, подальше от медиков, столпившихся вокруг стола. К груди Уилла приложили электроды дефибрилятора.

— Разряд!

Слово эхом отозвалось у меня в голове. Тело Уилла дернулось. Я стянула удерживающую меня руку и попыталась подойти ближе, но его окружало слишком много людей, закрывая мне обзор.

— Разряд!

...

— Разряд!

...

— Разряд!

Я так надеялась услышать сердцебиение Уилла! Но слух не улавливал ничего, кроме низкого непрерывного сигнала. Казалось, врачи очень быстро сдались; казалось, все произошло за считанные мгновения. И только позже я узнала, что его пытались реанимировать двадцать две минуты. Все это время я стояла как вкопанная, не отрывая взгляда от мужа.

Бригада прекратила реанимацию. Медики отступили назад, аккуратно отсоединив трубки капельницы с руки Уилла.

И тут я услышала крик:

— Нет! Почему вы остановились?!

Это был мой голос. Я бросилась к столу. Уилл был неподвижен. Его кожа приобрела тот восковой оттенок, что появляется через считанные секунды после смерти.

Наступила жуткая пауза. Одна из медсестер осторожно накрыла Уилла простыней.

В то же мгновение Диана оказалась рядом, потянула меня, и я позволила ей увести себя. Она тащила меня из реанимационного блока, что-то говоря, но я слышала лишь приглушенный звук ее голоса и видела, как шевелятся ее губы. Все случилось так быстро! Этого не могло быть! И все же это случилось. Только вот мне все еще казалось, что Уилл сидит дома, смотрит телевизор, а кошка Луна свернулась клубочком у него на коленях.

Я, спотыкаясь, вышла в коридор, ударилась о стену и сползла по ней. Привычный мир рухнул.